

УДК 930

ПРО ПОГОДУ...

Б. И. Ровный

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
decanat@fino.ru

- Каковы границы Вашего невежества, молодой человек?

- В моем состоянии они вряд ли обозримы, Лев Ефимович.

- Да, понимаю. С этого уже можно начинать. Я буду с Вами работать.

В воспоминаниях о пермской аспирантуре у Л. Е. Кертмана у меня нет нужды оглядываться назад, ибо по отношению к нему все эти годы я пячусь.

Тогда, в 1986-м, Кертман взял меня, потому что я правильно отвечал на вопрос о границах невежества. Или потому, что я сходу умел сочинять по-шукшински смачные истории в оправдание своей лени и глупости. Или потому, что я был крепкий и веселый. Или потому, что было место в аспирантуре.

То есть, я не знаю, почему Лев Ефимович меня взял – по совокупности резонов делать этого он был не должен. Как выяснилось позже, он оказал мне честь быть его последним аспирантом. Я остаюсь в этом убеждении, хотя по прошествии времени сознаю, что детей лейтенанта Шмидта по одному не бывает.

Сейчас, в процессе пристального разглядывания этого сюжета четвертьвековой давности, я прихожу к выводу: Кертман был английским шпионом, и жена его Сарра Яковлевна – тоже. Иначе мне трудно объяснить самому себе происхождение ауры аристократичного «ненадрывного» превосходства, окружавшей этого человека.

Темой «про погоду» и фразой «Не вижу необходимости!» он обдавал, как ушатом ледяной воды всякого, с кем не имел намерения говорить более десяти секунд. Как правило, это относилось к начальственным холуям и сексотам, которые в ту пору еще водились в ПГУ и рассказывали байки о счастливых браках в ГУЛАГе.

Модуляции его голоса и жест, приглашающий присесть, можно было воспроизвести только при содействии режиссера-постановщика. Будучи профессионалом, он выглядел как любитель. У меня нет другой гипотезы, чтобы объяснить его спокойствие и безмерную снисходительность к братьям меньшим и вообще аспирантам. У каждого из нас об этом свои интимные истории.

Вступительные экзамены по языку принимала Анна Иоганновна Берлина. Для меня и моих друзей она была серьезным препятствием, ибо регулярно пресекала наши попытки говорить на языках, которые мы выдавали за английский. Однажды я нагрел к ней на кафедре неожиданно, нарушил планы и, естественно, нарвался на интеллигентское (с придыханием) раздражение. Анна Иоганновна позвонила Льву Ефимовичу с жалобой на то, что я не принес с собой английскую книжку и что, соответственно, она не может проверить мои «40 тысяч единиц» текста. Реконструирую разговор по памяти.

Л. Е.: Так дайте ему свою книжку!

А. И.: (Возбужденно). Какую? Лев Ефимович, у меня нет английской книжки!

(Пауза)

Л. Е.: Пусть переводит немецкую.

А. И.: Он читает по-немецки?

Л. Е.: Нет.

А. И.: И что делать? (Анна Иоганновна говорила «дЕВать»)

Л. Е.: Вот и я думаю – что делать? Но мы же с Вами советуемся?

Из личной переписки (Москва, ноябрь 1986 г.):

«О мой добрый и столь же беспечный Борис! Мне следовало бы примерно отомстить Вам за этот плохоразличимый и еще менее структурированный текст. Что, собственно, я и делаю, оставив Вам работу по расшифровке моих невообразимого почерка рукописных замечаний и, как видите, объемом с телефонную книгу. Я мог бы усмотреть в Вашей возмутительной небрежности претензию на стиль, и тогда Вам было бы несдобровать. Но, вспомнив, что предыдущий текст показался мне претензией на краткость, я решил не торопиться с обобщениями на Ваш счет». Затем следовала профессиональная трепка, в которой жертва-аспирант становился обладателем определенного (*sic!*) интеллектуального лица. Он был идентифицирован, а значит – не безнадежен. И дальше хотелось расти. В глазах Кертмана, само собой. Другого роста и других заслуг в нашей аспирантской шайке никто и не признавал.

Мы жадно ловили его фразы-мысли – фразы, размером равные мысли. Я, например, сразу и энергично кивал головой в знак согласия. Уже потом, когда возбуждение от момента сопричастности проходило, размышлял по существу сказанного.

Квадратно-ячеистый каркас моего мозга тяжело пропускал постмодернистские идеи Кертмана, еще тяжелее давалось освобождение от «линейностей» и «последовательностей». Это была самая важная работа, которую я когда-либо делал в своей жизни. И это было лучшее время.

Перед лицом Кертмана не надо было казаться и изображать – от этих «недугов» он излечивал быстро. Помню элементарный профилактический этюд. Кертман просит меня достать книгу с верхней полки. Я несколько раз подпрыгиваю на месте, но до полки не достаю.

– Вы поставьте стульчик, Борис!

– Спасибо, Лев Ефимович, мне роста хватает! – Я продолжаю подпрыгивать с ощущением его ироничного взгляда на затылке.

– У Вас хорошо получается, Борис. Думаю, для Вас не составит труда в прыжке одновременно дрожать левой икрой?

Он формировал наше кантианское царство целей, где все имело свою цену и свое достоинство. Мне в этом царстве было легко. То, до чего я не мог дотянуться собственным умом, я просто воспринимал на веру, и до сих пор считаю, что для меня тогда так было лучше.

Он умер внезапно. Моей первой реакцией была ярость. Ведь я только начал доказывать ему, что я могу. На похоронах это чувство ушло, и осталась только безысходная собачья тоска. Больше этого человека я не видел. Нигде.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.05.2012

ABOUT THE WEATHER...

B. I. Rovnyi

South Ural State University (National Research University), Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
decanat@fino.ru